

Теннадий Коваленко

Казачья жизнь

Геннадий Коваленко

**Прозвища казаков
донских и кубанских
станец. Казачья жизнь**

«Издательские решения»

Коваленко Г. И.

Прозвища казаков донских и кубанских станиц. Казачья жизнь / Г. И. Коваленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834580-7

Каждое прозвище имеет свое объяснение, свою, так сказать, историю. Многие из этих «историй» носят такой характер («неудобосказуемый»), что их будет очень трудно изложить в печати. Нельзя сказать, чтобы объяснения прозвищ отличались особым остроумием или глубиной, но все же мы считаем полезным запечатлеть их на страницах нашего — семейного, так сказать — казачьего журнала, чтобы сохранить их для будущего.

ISBN 978-5-44-834580-7

© Коваленко Г. И.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Прозвища донских казачьих станиц	6
Вступление	6
Аксайская станица. «Чулок с сюзьмой»	7
Александровская станица. «Армяшка казачку обманул» или «а пол чистый!»	8
Аржановская станица. «Овцы»	9
Багаевская станица. «Лапшу в самоваре варили»	11
Баклановская станица. «На бороне бурдюк перевозили через Дон», «Бурханы»	12
Бессергеновская станица. «Гужееды»	13
Бело-Калитвенская станица. «Теплошапки» или «Папахи»	14
Богоявленская станица. «Половинка»	15
Верхне-Кундрюченская станица. «Воробьи». «Воробьи хлеб склевали»	16
Станицу Верхне-Курмоярскую дразнят «Бугаи»	17
Станица Верхне-Чирская. «Таранка сено поела»	19
Вёшенская станица. «Куцые, Ломохвостые»	20
Гниловская станица: «Попа в вентерь поймали»	21
Станица Голубинская. «Капуста»	22
Грабевская станица. «Твой жёлтый, мой жёлтый...»	24
Граббевская станица. «Мил не мил, а купил – кушать надо»	25
Грушевская станица. Прозвище станицы: «Бугаи колоколами трезвонили»	26
Гундоровская станица. «Простачки», «Обрезанцы», «Телушки»	27
Добринская станица. «Кабарга»	28
Станица Егорлыцкая. «Стрепетятники»	29
Станица Екатерининская – «Телушка в валенках». «Верблюды»	30
Еланская станица. «Козлы»	32
Елизаветинская станица. «Сом на паперти оценятился»	33
Ермаковскую станицу дразнят «черная корова» и «бугая украли»	35
Есауловская станица. «Хорь курей подушил»	36
Станица Золотовская – «клин»; «бугаи»	37
Станица Зотовская. «Бугаи»	38
Иловлинская станица. «Цыганская», «Цыгыне»	39
Кагальницкая станица. «Жареная картошка»	40
Казанская станица. «Чапуры», «Чапура в речке клевала лягушек»	41
Калитвенская станица. «Сафьян»	42
Каменская станица «Сучка в башлыке»	43
Станица Камышовская. «Свинья». «Свинье рвали щетину»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Прозвища казаков донских
и кубанских станиц
Казачья жизнь
Геннадий Иванович Коваленко**

© Геннадий Иванович Коваленко, 2016

ISBN 978-5-4483-4580-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Прозвища донских казачьих станиц

Вступление

Есть у казаков такое обыкновение: давать прозвище-кличку каждой станице. И так это прозвище прочно и крепко приклеивается, что никакими средствами его не отклеишь. Любят казаки подтрунить друг над другом – глядишь, в самый неподходящий момент и напомнит казак собеседнику: «а как вашу станицу дразнят («дражняют»)? Как ни открещивается казак, как ни отпирается, горячо доказывая, что его станица – «самая беспорочная», все равно толку не будет: задавший коварный вопрос знает, конечно, про станицу всю подноготную. И станичнику ничего другого не остается, как тут же взять реванш: задать встречный вопрос зубоскалу: «а твою как?»...

Эта, столь обычная в казачьем быту, словесная перестрелка проходит обыкновенно в добродушном, веселом тоне: тут нет желания обидеть, все делается «любя»... На родине, правда, случалось и иначе (на пример, во время майских лагерных сборов), особенно в тех случаях, когда подтрунивание неосторожно переходило известную границу, когда оно грубо задевало самолюбие целой станицы, превращалось в издевательство: тогда дело доходило иногда и до очень серьезного.

Каждое прозвище имеет свое объяснение, свою, так сказать, историю. Многие из этих «историй» носят такой характер («неудобосказуемый»), что их будет очень трудно изложить в печати. Нельзя сказать, чтобы объяснения прозвищ отличались особым остроумием или глубиной, но все же мы считаем полезным запечатлеть их на страницах нашего – семейного, так сказать – казачьего журнала, чтобы сохранить их для будущего.

Станичников, которые прочтут здесь о своих станицах, просим не обижаться: делаем мы это – печатаем – «любя», стремясь сохранить везде, где только можно, каждую черточку нашего казачьего быта. А если, прочитав про вашу станицу, сосед начнет зубоскалить – утешьтесь: напечатаем потом и об его станице.

Начинаем со старшего брата – Тихого Дона, расскажем и о станицах Вольной Кубани и Бурного Терека, не забудем, и об остальных казачьих Войсках. Просим только помочь нам присылкой необходимых сведений о всех станицах – кто о какой знает. Мы понимаем, что о своей станице писать неудобно и на этом не настаиваем, но почему же не написать о соседней, памятуя, что сосед все равно напишет о вашей станице?

Пока печатаем то, что любовно собрано и прислано нам сотрудником-донцом Борисом Кундрюцковым (у него запас большой и не только о Войске Донском), а к тому времени, когда его список будет исчерпан, надеемся получить подкрепление и от вас, наш читатель.

Н. Мельников.

Аксайская станица. «Чулок с сюзьмой»

На Дону из заквашенного молока готовили кисломолочный продукт, называли его сюзьмой. Для этого его выливали в холщовый мешочек и давали жидкости в течении суток стечь, после чего подавали к столу.

«Чулок с сюзьмой» так дразнят казаков станицы Аксайской. Связанно это с тем, что аксайские казачки решили сэкономить на мешочках для сюзьмы, и стали её готовить в своих чулках, решив, что большой беды в том не будет. И в таком виде они носили сюзьму продавать на базар. Казаки соседних станиц, узнав об этом, ославили как аксайских женщин, так и казаков аксайчан на всё Войско. Чтобы им впредь было неповадно торговать сюзьмой в своих чулках.

По другой версии, мать одного казака отправила с оказией сыну на службу гостинцы. Когда казак стал разлаживать присланную из дома снедь, то всех его товарищей заинтересовало, что ему прислали в чулке. Когда чулок развязали, то выяснилось, что там сюзьма.

Александровская станица. «Армяшка казачку обманул» или «а пол чистый!»

Александровскую станицу дразнили «армяшка казачку обманул» или «а пол чистый!». А всё почему? Да из-за игривого характера местных жалмеров. Казаки то на службе, а они без мужского внимания, а соблазнов то в городе пруд пруди. Как говорится: грех воровать, а не миновать. Кавалеры всегда найдутся утешить. Александровские казачки носили в Нахичевань на базар кислое молоко, каймак, сыр и прочее и иногда «грешили» там с местными армянами. Те, парни горячие, обходительные.

И вот один раз, когда казачки возвращаясь гурьбой из Нахичевани в станицу, одна другую спрашивает: «кума, а чего у тебя вся спина в пыли?» Другая, в ей в ответ: «У, проклятый армяшка, а сказал, что пол чистый». А тут, как на грех, в толпе были казачки из другой станицы, и услышали весь их разговор. С тех пор и приклеилось к александровцам это насмешливое прозвище. Долго потом соседи потешались над незадачливыми станичниками.

Аржановская станица. «Овцы»

Обидное для казаков прозвище, что тут скажешь, да сами виноваты, коль чабаны пьяницы придурковаты. По словам Е. Н. Ермакова, весной аржановские станичники собирали хозяйских овец в одну отару и выгоняли на пастбище. И всё б ничего, да нанялся к станичникам чабан. Чабан как чабан и герлыга при нём, и куцый имеется, да в голове ветер веется. Погнал он овец пасти и искать станичникам напасти. Захотелось чабану выпить, да денег чёртма, не поможет и кума. А душа то горит.

Глядит по дороге купцы-шибаи едут скот скупать. Совсем невтерпёж ему стало. Говорят не пьёт казак на небеси, а тут, кому не поднеси. Эх, была, не была, думает чабан, глядишь шибай стаканчик поднесут. А те ни в какую. Ты, говорят ему, овец нам продай, а потом и про магарыч дело веди. Подумал чабан и продал всю отару купцам

Денег полон гаманец и пошёл гулять подлец. Как говориться, пока казак в седле, он не пьян, а навеселе. Где шинок да кабачок, там и наш казачок. А чтобы станичники особо не волновались, он вывесил на своём балагане бумагу:

Не тужите аржановцы,
Не пропали ваши овцы,
Старые и малые,
Все пошли по одной цене.

Однако другие соседи аржановцев уверяют, что дело отнюдь не так было. Говорят, будто продал чабан станичную отару проезжим купцам, да «честным» человеком оказался. Решил повиниться, мол повинную голову и меч не сечёт. На следующий день станичникам заявил, что овец бирюки порезали. Казаки на коней и в степь, а овец и след простыл. Ни крови, ни шерсти. Прознали о том соседи и сочинили о них частушки, а самих аржановцев «овцами» прозвали.

«Не тужите, аржановцы,

Не пропали ваши овцы,

Все по трёшнице пошли».

Этой частушкой намекали о том, как нанятый аржановцами чабан продал их овец проезжим купцам, свалив пропажу на волков.

Арчадинская станица. «Гуси», «Гусаки»

Прозвище своё казаки Арчадинской станицы получили за свою любовь к гусятине, которая и сгубила их репутацию. Не весть в каком году, служили арчадинцы в Польше. Всё б хорошо, да не подадут к казачьему столу гусятину. Оно то и свинина с говядиной, не постная пшёнка, да просит душа гусёнка. Вот и решили арчадинские казаки гусей украсть да оскоромиться. Сказано сделано, в воскресный день, стащили они у одного поляка пару молодых гусаков, сунули их в оклунок и айда в ближайший лесок. А тут как на грех полковой командир на коляске едет. Казаки во фронт встали, глазами начальство едят.

– И куда это вы станичники путь держите? – спешивает он их.

– Да вот, ваше высоко благородие, видите ли куцый наш сотенный сдох, похоронить хотим.

Только они так сказали, как оклунок зашевелился и гусаки заготовали. Полковой командир то же не дурак был, враз сообразил в чём дела.

– Ах вашу мать, перемать, бесовы вы гусаки! Под арест мерзавцев на десять суток!

Так и приклеилось это прозвище за арчадинцами -«Гусаки». Как их иностранники увидят, так и начинают по гусиному гоготать.

Багаевская станица. «Лапшу в самоваре варили»

Это сегодня Багаевская славна огурцами да помидорами. Лет 100 – 150 назад станичников называли лапшуками или лапшевниками. А пошло всё из-за того, что багаевцы пригоревались варить лапшу в... самоваре: уверяли, что так она получается вкуснее всего. Как говорится, на Дону, брат, самовар, варит и лапшу, и взвар. Впрочем, самовар самовару рознь. Тогда в самоварах не только воду кипятили, но на полевых работах и борщ варили и кашу. И эта багаевская привычка забавляла казаков из других хуторов и станиц, ещё не оценивших достоинство таких самоваров.

Баклановская станица. «На бороне бурдюк перевозили через Дон», «Бурханы»

В перечне станичных прозвищ Н. Е. Ермакова Баклановскую «дражнят» – «На бороне бурдюк перевозили через Дон». Это не совсем точно. Пустой бурдюк не было никакого смысла укладывать на борону и плавить через Дон. (Раньше железных борон не было. И казаки пользовались деревянными боронами. Они конечно под тяжестью груза могли притопляться, но крепко притороченный груз не мог утонуть). Следовательно, бурдюк был не пустой, а что-то имел в себе, раз был положен на борону. Но что? Вот об этом было подробно рассказано в стихотворении, которое было прибито на стенке в комнате вахмистра 3-ей сотни 2-го Донского казачьего полка. К сожалению, эти замечательные стихи, где главным действующим лицом был казак Семен, я не помню. Но в 1923 г. в Болгарии мне рассказал его хорунжий Е. Е. Канканов (из урядников) Н. Курмоярской станицы, отбывавший действительную службу в 3-ей сотне 2-го Донского Казачьего полка. История эта приблизительно такова.

Дело было в стародавние времена, когда станица называлась еще Гугнинской. Станица была расположена на правом берегу Дона. И с восточной, и западной сторон она была окружена непроходимыми чиганаками (болотами). Бродов ни в станице, ни в ее окрестностях не было. Для переправы на левую сторону Дона – пешие переправлялись на баркасах, а конные – вплавь. В те времена казаки станицы часто делали набеги в калмыцкие степи. После каждой переправы в набег, баркас из предосторожности отводился обратно на правую сторону. На случай же погони калмыков, что случалось часто, когда на вызов баркасов не было времени, на левом берегу были сложены бороны для перевозки на них в таких случаях добычи и седел.

В один из таких набегов гугнинцы (ныне баклановцы) ограбили калмыцкий молельный дом (хурул) и взяли там золотую статуэтку Будды (изображение калмыцкого бога – в казачьем наименовании «Бурхана») и положили ее в бурдюк, который нашли там же. Калмыки организовали погоню. Перед казаками, прискакавшими к Дону, встал вопрос: Как же быть с «Бурханом»? Вот тут-то казак Семен и дал совет укрепить бурдюк с «Бурханом» на бороне и таким образом переправить его через Дон. Так и было сделано. Но история кражи гугнинцами калмыцкого бога «Бурхана» и переправа его через Дон в бурдюке на бороне стала быстро известна по соседним станицам. С тех пор гугнинцев (баклановцев) и стали величать «Бурханами».

Б. Кундрюцков.

В интернете часто приводится другое прозвище казаков станицы Баклановской: «На баране бурдюк перевозили». Однако нигде толкование этого «дражнения» не даётся. И надо думать, что это обычная опечатка, когда вместо слово «борона», было написано «барана».

Бессергеновская станица. «Гужееды»

А вот приезд в станицу Бессергеновскую архиепископа Новочеркасского оказался смазан банальным воровством. От того и прозвище бессергеновцы получили. Собрались почти все бессергеновцы в станичной церкви, не каждый год сам архиепископ службу проводит. Пока тот вёл службу в храме, несколькими вороватым казакам глянулись гужи на архиепископских лошадях, доставивших владыку. Славная была упряжь, наборным серебром украшенная. Вот её то казаки и украли, не побоявшись божьего гнева.

Когда вышел владыка из церкви, то обомлел: лошади стояли распряжёнными. Даже дара речи лишился. Стоит на паперти глаз выпучив, как рыба воздух ртом глотает. Отошёл маленько – разошёлся. А потом видит, что толку от этого чуть, обозвал бессергеновцев «Гужееды вы окаянные!». Махнул с досады рукой и велел атаману новую упряжь найти, да коней запрягать. А высказанное в сердцах обидное слово закрепилось за бессергеновцами. А тут, как на грех, казаки из соседних станиц понаехали на владыку посмотреть и прозвали станичников гужеедами. Так и прилипло это прозвище.

Бело-Калитвенская станица. «Теплошапки» или «Папахи»

Казаки Бело-Калитвенской станицы и зимой и летом в папахах гуляют. Солнце жарит во всю, духота – мочи нет, а они – в папахах. Пот так с них и льет, усы, слипшиеся, мочалкой висят и по ним пот на землю течет, а не снимают они шапок. Как говорится, пар костей не ломит. Жалко их даже. И чего они мучаются?

А получили белокалитвенцы своё прозвище так. Ехали как—то казаки через их станицу. Смотрят, станичники стоят у крайнего куреня. Все как один среди лета в шапках. Удивительно стало заезжим гостям.

«Ей, станишники, вы чего в теплых шапках ходите?»

«Убирайся-ка ты, человек, по добру, по здорову...»

«Чего-то сердаете вы очень?»

«Не лезь не в свое дело... Ты откедова знаешь, какая через час погода может быть? Как трахнет мороз, тридесят градусов, нам и переодеваться не надо, а тебе шло домой бежать... Во-о понял?»

«Понял...».

Посмеялись гости проезжие, а прозвище к ним так и прилипло на мертво. И стали их казаки соседних станиц дразнить: «теплошапками» или «папахами».

Было ещё одно совсем неприличное прозвище белокалитвенцев – «верблюдка». Объяснение его считалось невозможным. А потому и мы не будем его здесь приводить.

Богоявленская станица. «Половинка»

От чего казаки станицы Богоявленской такое прозвище получили не известно. Однако есть воспоминание казака Фомина об этом прозвище, мы его и приведём.

Вот за эту «половинку» мне чуть было сильно не влетело от моего сотенного вахмистра Т. О. Богаевского. (Кстати, Н. Е. Ермаков не упомянул, что Богоявленскую станицу дразнят «половинкой»). Вахмистр был как раз Богоявленской станицы. Был он строгим, но и справедливым. Однажды после утренней уборки зовет меня вахмистр и говорит: «Вот тебе кусок латки, иголка и нитка – почини мне этот матрас». Это был матрас, на котором казаки приседают после прыжка через кобылу. Я примерил латку на дыру, она оказалась мала. Я и говорю вахмистру: «Господин вахмистр, эта половинка мала...». Вахмистр вспыхнул: «Што, што ты сказал?» – по видимому, он подумал, что я его дразню «половинкой»... Не знаю, чем бы это кончилось, но выручил меня мой взводный урядник: «Господин вахмистр, он еще молод и не знает, что значить слово «половинка»... Он говорит, что эта латка слишком маленькая, чтобы залатать дыру...». Вахмистр строго посмотрел на меня и сменил гнев на милость: «Если этот кусок мал, возьми другой...».

Фомин.

Верхне-Кундрюченская станица. «Воробьи». «Воробьи хлеб склевали»

Говорят, что казаки ст. Верхне-Кундрюченской получили своё прозвище из – за своей жадности. Полагалось станичникам иметь в станице хлебный магазин, куда каждый казак-домохозяин должен был ссыпать часть своего урожая, для общественных и войсковых нужд. А тут неурожай. Приздумались казаки, и так, мол хлеба мало, а тут ещё в хлебный магазин ссыпай. Собрались на сбор. покумекали и решили, в этом году хлеб в него не ссыпать, авось окружное начальство и не прознает, а на следующий год, мол, мы засыплем. Да недаром ведь говорят, что авось с небосем водились, да оба в яму свалились. Понадеялись, что авоська парень добрый: или выручит, или выучит.

А он взял да выучил. Как на грех, вскоре окружной атаман с проверкой приехал. Встретили его казаки честь по чести. Льготные казаки при полном параде на майдане выстроились – приветствуют. Да видать, кто то атаману доложил о беспорядке с хлебным магазином. Требуется он его открыть для ревизования. Делать нечего, отомкнул станичный атаман замок, распахнул двери, а там хлеба кот наплакал. Спрашивает окружной, а хлеб, мол, где господа казаки? А станичный, возьми да брякни, что это, мол, жиды (воробьи) в магазин залетели, да и хлеб склевали.

Долго бушевал окружной, судом да карами грозился. Дошла молва о том конфузе кундрюченцев до соседей и те прозвали их «воробьями».

Станицу Верхне-Курмоярскую дразнят «Бугай»

Дело было в конце апреля, начале мая. В станицу должен был навеститься Окружной атаман. По расписанию он должен был прибыть в 12 часов дня. Для его встречи на церковной площади собралась вся честная станица – станичный атаман с почетными стариками посередине, позади них расположились казаки, а по сторонам казачки и детишки. Чтоб не ударить лицом в грязь, станичный атаман несколько раз прорепетировал, как надо отвечать на приветствие Окружного. Атаману то, хоть и первую чарку, да и первую палку, если что не так.

Солнце уже приближалось к обеду и палило немилосердно. Но атаман приободрял казаков: терпи мол казак – атаманом будешь. Жили деды в славе, и мы перед Окружным атаманом себя не ославим. Слышно было назойливее жужжанье мух и оводов. От площади до края станицы, по улице, по которой должен был ехать Окружной, были расставлены махальные со строгим наказом, как только увидят пыль на главной дороге, немедленно дать знать станичному начальству. Стоят махальные, маются, стараются в холодке укрыться.

А в это время недалеко от станицы и около главной дороги один бедный казак разбранивал вспаханную землю. Не досуг ему атаманов встречать. На службу сынов собирай, туда – посылай, пришёл – помогай, призвали – опять сынов снаряжай. В борону были запряжены бугай да маленькая худая коровенка. Хочешь, не хочешь, а оборонить надо. Как говорится: Бог не выдаст, татарин не съест. И бугай худоба, будут оборонить оба.

Солнце в зенит, в голове от жары звенит. Чем выше оно поднималось, тем сильнее степь накалялась. А тут мухи да бзык и худобе той, хоть в крик. Облепили скотинку со всех сторон и грызут её немилосердно. Бугаю с коровенкой то, со всем невмочь. Хоть беги сломя голову куда глаза глядят. Брыкаются, мордами мотают, беспрерывно хвостами секут, тщетно стараясь согнать «кровопийцев», устроившихся на передних лопатках, спине и под животом. А поле то не за бороновано. Казак сам в крик, ругается, хлещет плетью нудящуюся худобу. Вот солнце уже почти в зените. Бугай и коровенка, не выдержав укусов мух и бзыка. Совсем взбеленились от жары и понесли во всю ивановскую задрав хвосты в станицу, на баз, в сарай. Плюнул казак, бросил на землю плеть и грустно смотрел на убежавших с бороной бугая с коровенкой. Вскоре коровенка, выпряглась и оторвалась, а бугай с бороной, выбравшись на главную дорогу, мчался в станицу, окутав себя густым облаком пыли.

Махальный, что стоял на краю станицы, завидя на главной дороге клубы пыли, решил, что это на тройке едет Окружной и дал сигнал следующему махальному. На площади станичный атаман, получив сигнал о приближении Окружного, подал команду построиться и приготовиться к встрече, а сам выдвинулся немного вперед. Вот пыльное облако уже в станице: топот, грохот, будто не один Окружной атаман едет, а целый поезд с Войсковым атаманом несётся.

Все, затаив дыхание, как замороженные, следили за ним. Борона на ухабах улицы подпрыгивала, производя сильный грохот, что создавало впечатление, что это действительно мчится тройка. Когда бугай с бороной, вынесшись с невероятным грохотом и окутанный облаком пыли, увидел перед собой толпу людей, то от неожиданности остановился, как вкопанный, и взревел «Б-у-у-у-» Собравшиеся же на площади, не видя ничего в облаке пыли и будучи уверены, что это приехал Окружной, приняли рев бугая за его приветствие и дружно гаркнули – «Здравие желаем, Ваше Превосходительство»

Когда же пыль немного рассеялась, все увидели перед собой бугая с бороной, дико вращавшего глазами и рывшего ногами землю. На флангах, где стояли бабы и дети, раздался гомерический хохот. Станичный атаман в сильном смущении протирает глаза, как бы еще не веря случившемуся.

Такой досадный промах станицы быстро стал достоянием её соседей. И с тех пор «бугай» стал шефом славной Верхне-Курмоярской станицы. А как завидят казаки верхне-курмоярцев: «Смотри братцы, „бугай“ намётом бегут, где бороны потеряли, станичники!» А что ж ославленные станичники? Кто по дале пошлёт, а большинство в шутку переведёт. Казак то молодец на шутку не сердится, да в обиду не вдаётся.

М. Я. Борисов в своем письме в редакцию «Родимого края» сообщает, что казаков Верхне-Курмоярской ещё «гагарами» дразнили. А вот почему, не припомнит. Как говорится: враки, что кашляют раки, то казаки шалют.

Станица Верхне-Чирская. «Таранка сено поела»

В станице Верхне-Чирской был луг для станичных жеребцов. Сено, которое косили казаки, они складывали в стога. Луг этот заливало водой, и оттого скирды ставились на высоких местах. Когда вода сбывала, вокруг каждого скирда оставался мокрый круг от ушедшей воды. Однажды Верхне-чирцы хватились сена, а его нет. Чем теперь жеребцов кормить? Казаку без коня горе, как стругу без бабаек в море. Станица была строгая. Устроили сход. Так и так, то да се.

– Сена наша пропало, чего быть не должно...

– По причине такой выбрать комиссию... Все честь честью.

– Произвестъ дознание... Как ето так: сено было, а сычас его нет?

Казаки разгорячились. Выбрали несколько человек, что б съездили на место происшествия, разъяснили все обстоятельство. А наказ дали самый строгий: все доложить в точности, как и что и почему?

Сено растащили, конечно, проезжие да мимоезжие. А так как они, по-видимому, вовсе не торопились красть, а даже еще и закусывали, то на месте, где сложено было сено, побросали обгрызенные головки от тарани.

Комиссия долго гуляла по лугу, строила всяческие предположения. Да в голову, очевидно, с большого похмелья одна дурость лезла. Думали, гадали, когда их дедки бабок знали и, наконец... вернулась. Встречают их атаман со стариками и спрашивают:

– Ну што?

– Да ничего вроде...

– Как ничего...

– Да так. Кругом мокро, а посередь тараньи головы валяются... должно тарань сено наше и поела... Подплыла... Известное дело... Голод не тетка.

Смеху-то было в соседних станицах, когда там узнали о решении комиссии: «Все кузни исходили, а не кованы возвратилися». Дурака по делу пошлешь, и следом пойдешь. От того и прозвали верхне-чирцев: «Таранка сено поела».

Вёшенская станица. «Куцые, Ломохвостые»

«Дражнение» казаков Вешенской станицы («куцые» да «ломохвостые») существовало и в стихах. Дело в том, что казаки с дьячком хорошо подгуляли. Как говорится: пока казак в седле, он не пьян, а навеселе. Да не даром люди говорят: не пей до дна – на дне дурак сидит. Ан нет, выпили, и поспорили с дьячком, мол кобель Цуцик, вместо звоноря в колокола бить будет, а святой церкви от этого не убудет. Втянули они кобеля гуртом на колокольню и давай в колокола бить. С перепугу, кобель совсем ошалел и выскочил из колокольни, и упав, сломал хвост. Спустились станичники с колокольни и стали думать-гадать, как горю кобелиному пособить, как починить хвост. Но сколько думу не думали, так и не решили чем кобелю помочь, и остался кобель ломохвостым, а с ним и вся станица. Дознались об этом соседи вёшинцев, да и стихотворение на них сочинили:

В Вешенской станице
Кобель упал со звоницы.
Звали его Цуцучком
На колокольню манили кусочком.

Стали думать и рядить,
Как же быть:
Если приварить,
То не будет служить;
Если припать,
То не будет стоять;
Если приклепать,
То не будет вилять.
Если...
То...

И дальше» если» и «то», но ничего не нашли станишники... Так и остался кобель куцым на весь век, как и все вёшенские казаки.

Гниловская станица: «Попа в вентерь поймали»

Отцы духовные частенько играют видную роль в прозвищах станиц. Вот и в Гниловской целая история с попом случилась. И грустная, и весёлая в одно и то же время... Виной ей одна жалмерка. Красивая была баба. Длинные волосы, светлые глаза, большие ресницы – и чуть-чуть приметные для внимательного взгляда усики... Пух такой над верхней губой розовой.

Ну, как тут устоять, если жалмерка она? Никак, то есть, не устоять. А гниловской поп был как кочет, что курей топтать хочет. Как посмотрит на неё поп, хоть об землю – хлоп! Ухмыляется, что кобыла, на овес гляючи. Не даром ведь говорят, что в чужую жену черт ложку меду кладет.

Вот и потерял поп голову. Начисто потерял. Вместе со своею чёрной бородой. Да в таком деле – как ее не потерять? Загляделся раз, другой, она ему подмигнула левым глазом – скатилась у попа с плеч голова и... Пропал поп! Ночку у ней, да через день, ещё одну, потом ещё и ещё – так и пошло, как по писанному. Уж о постах-то он и думать позабыл. Да и какие тут посты, посудите сами... Скажут: у попа – попадья... Ну, что ж с того? Попадья попадья и останется... Разгулялась поповская кровь. Недаром у нас в Донской области Поповых – тьма и один человек! Не даром в пословице говорится: «Горох в поле, да жалмерка в доме – завидное дело: кто ни пройдет – тот щипнет». Прокрадется через сад и в дом к ней шмыг, – только его и видели.

Но нет ничего тайного, что бы ни стало явным. Проведали об этом родственники мужа жалмерки, и заговорила тут семейная гордость:

– Што-ж ето? Ето-ж безобразие одно?! – возмутились два старших брата. – Сёмка служит, а жена не тужит, с попом веселится, грешит и не постится? ... И стали на попа охотиться. Только ухватить его никак не удаётся. Известно – ночи темные, для жалмерки томные. А поп в темной одежде хоронится – его от куста, скажем, и не отличить.

Бились братья, бились, и догадались, снастью обзавестись. Теперь, думают, попу не спастись. Поставили в саду на дорожке большой вентерь, что в Дону ставится. Как поп был у своей любушки, зашли с другой стороны куреня и давай в окна громко стучаться – пугать:

– Э-ей, – кричат, – отвори-ка... Дело важное есть... Это мы – Ивановы братья... Схватился поп, сгрёб, что под руку попало, и кинулся вон в окошко. На дворе ни зги, как бы не вышибить с испугу мозги! В темноте забежал поп напрямиком в вентерь – и назад ходу ему не оказалось. Попал как кур в ошип – погиб поп, погиб! Братья тут как тут, попу бока намяли. Сказали потом, что мол не разглядели, что поп. Паки и паки – съели попа собаки; да кабы не дьячки, разорвали б на клочки.

Пропал поп! Вся станица поглядеть на попа сбежалась... Сидел он в вентере, словно зверь за решёткой. И смех, и грех, один на всех! Слава то про попа по всему Дону разойдётся. Посидел, посидел, а делать то нечего. Стал при всём народе стал каяться:

– Простите меня, православные, а вам, Бог простит... Погиб я, погиб... Погиб за даром... за усы... Бес – он знает, на какую приманку кого поймать!

Посмеялись казаки с бабами, головы почесали, да и решили попа простить. Говорят, каков игумен, таковы и братья. Попа то простили, да сами ославились. Теперь, чуть что сразу гниловцам попа в вентере припоминают.

Станица Голубинская. «Капуста»

Ехал как то казак со службы. На радостях, что скоро дома будет, и сынишку к груди богатырской прижмет, и жену молодую обнимет, и тыны поправит, хозяйство подновит, – накопил он разного гостинцу. И жене, и сыну, и всем, кто дорог был его казачьему сердцу. Оно известное дело: казак на Дунае или в Польше служит, а жалмерка на Дону тужит.

– Вот – думает – порадую домашних...

Для жены же купил новые ботинки. Что это были за ботинки?! Форсу в них – бездна! Блестят, как жар. Шагнешь в таких – скрипять. А ежели на ноги надеть – рыпу не обещься...

– Вот, это ботинки, такь ботинки... радовался казак. Вед, это, как она, моя то, пройдет – усех въ жар бросит. И старых, и молодых... А уж про бабье говорить не приходится: ежели от зависти не подавятся, так мужей поедом съедят... И што за ботинки! Настоящие гусарики, не ботинки – мечта любой казачки! Хоть на стол станови да глазами ешь!

Уложил их в сумы и едет домой. Едет и песенку себе курлычит. Потом улыбнется и начнет чего-то подмигивать, да плечом поводит. Усы закрутил, и папаха у него святым духом держится – чисто приклеенная. На самом – что ни на есть – затылке... Не казак, а кочет, кого хошь потопчет!

Случилось служивому проезжать станицу Голубинскую и в той станице заночевать. Остановился он в одном курене. Стал раскладываться, – видит: молодайка по куреню ходит – вертится, боками поводит и глазишшами своими черными стреляет во все стороны. Сама из себя пригожая, да красивая такая. Косы у ей черныя, что ворона крыло, брови густыя, а уж губы-то, губы – кровь... Того и гляди, лопнут: нежныя такая, кожа на них тонкая, что папиросная бумага.

Искусился казак. Помутилось у него в голове. Достал он ботинки, стал их в поднятой руке поворачивать. Того и гляди как на базаре зазывать покупателей начнёт: подходи, подешевело, расхватали не берут.

– Их – говорит – вот ботиночки! Жане везу... Вот это так ботиночки...

А сам косит взглядом на молодуху. У той дух занялся, как увидала она обновочку. Стала – ровно пришитая, глаз не сводит.

А казак, шельма, надавит ботинки, а те: ри-ип! Сам бы хаживал, да кобелей приваживал. Да не девка он казак. Эх! отвертай хоть образа!

Достал этот рип до женскаго сердца, ухватился за него и никуды не отпускает... Моргнул ей казак, а она только голову наклонила... Пошел казак на двор... Перед ночью воздухом подышать... Кровь у него молодецкая бурлит, наружу просится, в сердце толкается... А на базу смеркается.

Перелез через плетень и стал раздумывать:

– А что же я жене то привезу?..

Хорошо, что та мысля, не явилась опосля. Ведь гусарики одне, что лежат в его суме. И решил этих ботинок ни под какую цену не отдавать, а надуть как-нибудь молодуху...

Срезал у ней на огороде два качана капусты, завернул в платок и вернулся в курень. Положил их под подушку. А когда пришла ночька, а с ночькой, таясь, пробралась к казаку казачка – провели они сладкое время...

– А ботиночки иде? – спрашивает она.

– Ды у тебе ж в головах... отвечает казак.

Нажмет казачка затылком подушку, а капуста под ней: ри-ип!

– Рипи – рипи, – приговаривает бабочка – сегодня в головах, а завтра будешь на ногах рипеть...

Поутру уехал казак дальше в путь-дороженьку. Схватила его казачка Голубинской станицы, а казака и след простыл. Подняла подушку: узелок... развязала она узелок, а в нем – два кочана капусты. И заплакала она горько, горько...

Да что-ж? Бабы слезы – все одно, что вода. Крепилась молодка крепилась, да подруге свою беду поведала, а та другой. И разнёсся вскоре слух тот по станице, да и до соседей дошёл. Был бы звонарь да колокол, а звон долетит, это не чувал тащить волоком. Вот так и ославила одна молодуха станицу, да так, что звон дошёл и до столицы. Как завидят соседи голубинцев, задирают их: эгёй, «капуста» едет!

Грабевская станица. «Твой жёлтый, мой жёлтый...»

Была в станице Великокняжеской ярмарка. Поехали на неё два старика станицы Грабевской – Чакмеш и Бембе, на людей посмотреть и себя показать. На ярмарке ведь всегда много интересного: товары и сено, скот и много других интересных вещей. Там можно было встретить и знакомых из дальних станиц, узнать новости, выпить, попеть любимые песни и т. д.

Чакмеш и Бембе осмотрели ярмарку, успели повидать и выпить со своими знакомцами (с Абушей и Эрендженом), с донцами (Никифором Ивановичем и Игнатом). Развеселились старики и стали под конец бродить между балаганами, поднимая сапогами цветные бумажки, разбросанные по земле, и надумали купить себе, чего ни будь нового, и в то же время хорошего.

А решив, остановиться в одном из ярмарочных рядов и призадумались. Тут Чакмеш увидел, как казак ест необычный жёлтый шарик и причмокивает от удовольствия.

– Хорош? – спросил он его.

– Хорош – отвечал казак.

– Что ешь?

– Апельсин

– Бембе – спросил Чакмеш друга – ты ел жёлтый?

«Уга (нет) – ответил тот отрицательно, махнув головой

Подошли они к ларьку. А ларёк-то был разделён надвое – в одном месте лежали апельсины, а в другом лимоны.

– Давай жёлтый – сказал Чакмеш, заплатил деньги взял апельсин.

– Твой жёлтый, плохой жёлтый. Давай этот более жёлтый. – сказал Бембе и взял вместо апельсина лимон.

Сели они на коней и тронулись они в путь-дороженьку. Едут шажком и чистят купленные заморские плоды. Чакмеш попробовал и стал уплетать за обе щёки. Глаза его заблестели и, причмокивая, всем своим видом он показывал приятелю, какой у него вкусный жёлтый плод.

Глядя на Чакмеша стал и Бембе есть. Сразу откусил половину своего лимона. Страшная кислота свела его рот судорогой, он весь скорчился в седле и выплюнул всё обратно.

Чакмеш удивлённо поднял брови и молча уставился на Бембе, со сведённым судорогой от лимона ртом. Бембе едва мог пролепетать:

– Как твой жёлтый? А мой ж-жёлтый... Вот мой жёлтый – у меня зубов нет.

Как узнали казаки из других станиц об этом происшествии, сразу же дали жителям станицы Грабевской прозвище: «Твой жёлтый, мой жёлтый...».

Но было у казаков станицы Грабевской и другое прозвище, которому они обязаны, по преданию, тем же старикам казакам: Чакмешу и Бембе.

Граббевская станица. «Мил не мил, а купил – кушать надо»

Старики, Чакмеш и Бемба приехали на ярмарку. Осмотрев скот, наговорившись со знакомыми, они стали гулять по ярмарочным рядам. В одном месте их внимание привлекла группа казаков, столпившаяся у одного из лотков. Старики протолкались к прилавку.

На нём лежала груда расписных пряников. Там были пряничные кони и бараны, кошки и человечки, и просто так пряники. Они были круглые, большие, с красными узорами и синими вензелями, с жёлтыми кругами, длинные с орехами, мятные, паточные и всякие другие.

Казаки толпясь выбирали – кто себе, а кто своим домочадцам пряники. Кто брал коня, кто зайца, кто пряник с наклеенной на него бумажкой изображавшей часы. Много мальчишек с разгоревшимися глазами смотрели на это богатство и, шмыгая между взрослых, делились впечатлениями:

– Вот этот как ножницы... Вот этот как сазан... Из чего же сделали тот коричневый? А у соседней тётки – ешшо почище

Прислушался Бембе к словам ребятишек и стал пробираться к соседнему прилавку. Чакмеш, купив себе жёлтого коня, двинулся за ним. Подошли они к прилавку и разбежались у приятелей глаза... Тут всё не лежало, а стояло. И коньки стояли, и собаки, и бараны, и у всех на шее были цветные ленточки.

– Ну – сказал Бембе – это для меня.

И тут же купил розового барана с синей ленточкой.

Когда они сели на коней и поехали, то стал Бембе хвалиться.

– Мой баран – баран, а твой мерин (пряник) – не знаю что такое.

Чакмеш обиженный, отвернулся, и смотря разочарованно в степь, стал жевать свой пряник. Тут и Бембе откусил от своего барана. Еле вытаскивая завязшие зубы, выпучил он глаза, а на губах у него выступила мыльная пена. Чакмеш, увидев это, взял у него барана и, плюнув сказам: «Это мил (мыло)».

– Ох – ответил Бембе: мил не мил, а купил – кушать надо.

Приехав домой, Чекмеш рассказал своим домочадцам о промахе Бембе, вот смеху то было. Потом, история незадачливого казака дошла до соседей, а от них, и до досужих казаков других станиц. Вот те и стали дразнить граббевских станичников «мил не мил, а купил – кушать надо». Как говорится: грех смеяться над дураком, да нет греха – над чудаком. Тем и вошли Бембе с Чекмешем в историю своей станицы.

Грушевская станица. Прозвище станицы: «Бугаи колоколами трезвонили»

Ославились грушевцы не потомкам на славу, а людям забаву. Сами были остры на язык. Над соседями любили посмеяться. Да забыли казаки народную мудрость: не смейся, горох, не лучше бобов: размокнешь – и сам лопнешь. Да иной смех, как на грех: вырвется, и человек обидится. Вот так смеяться смеялись, и сами на остёр язык попались.

Наняли грушевцы пастуха, стадо станичное пасти да костями по степу трясти. Пастух вроде справный, да мало кто знал, что на выпивку славный. Весна пролетела, да лето настало. Солнце в зените, а пастух худобе – извините. Хватил из бутылочки, да и придремал в холодке. Спит, седьмой сон видит. А коров да бугаёв на речку гнать пора, поить, а там и на стойло – доить. Помыкалась худоба без пастуха, да и заспешила напрямки к речке. Да на пути станица. Бабы то, известное дело, на стойле, коров ожидают, а казакам в обед сладко спится – дремлет станица.

Вот так станичное стадо грушевских казаков, по недогляду, как пастуха, так и местных жителей, зашло на станичный майдан. Прёт худоба гуртом, что с них возьмёшь – скот, скотом. Майдан запрудили, плетень повалили, да и вошли в звонницу. А в церкви, не попа не дьяка, был звонарь, да и тот задремал собака.

Впутались быки в верёвку колокола, да и стали. Дальше то проходу нет. Ревёт на всю ивановскую худоба, тут и мёртвого поднимут их гроба. Тут и казаки глаза продрали. Схватили, кто байдик, кто кнут, кагалом на майдан бегут. Стали казаки быков выгонять вон, и начался тут беспорядочный колокольный звон. А бык тот от звона совсем сбесинел, чем больше рвётся, тем звон отчаянней раздаётся. Люди потом говаривали, что чуть ли не в Новочеркаске звон тот слышали. Сбежалась на него вся станица, себя показать, да повеселиться. Отсюда и пошло прозвище грушевских казаков: «Бугаи колоколами трезвонили».

Гундоровская станица. «Простачки», «Обрезанцы», «Телушки»

Расскажем теперь прозвища станицы Гундоровской. Лихие казаки гундоровцы, а прозвища у них обидные. «Дражнят их просточками», «обрезанцами», «телушками». Прозвища «соленые», не во всяком обществе расскажешь историю их происхождения. Просим и читателей извинить нас за некоторую вольность.

Ехал как то казак гундоровец на подводе по своим делам. Видит – идет казачка, да такая стройная, красивая, молодая – кровь с молоком. Идет будто пританцовывает, так, что молодца в жар бросает. Да казак сам молодой, да красивый, в самом расцвете сил. Оно, конечно, одному ехать скучно. Подъехал он к казачке, говорит: «Садись, подвезу красавица...»

Казачка внимательно посмотрела на казака, будто цыган жеребца оценивает, да и села на подводу. Едут, молчат. Думает казак, как же дело начать, разговор завести. И хочется ему и колется и маманя не велит. Вот он и говорит:

– Как же это ты красавица не побоялась ехать одна со мной? Ведь ты меня не знаешь, вдруг, прости Господи, случится чего то такое...?

Казачка посмотрела на него, стрельнула глазом, да и в ответ:

– Ну и простачки же, гундоровцы... вон лесочек, сворачивай скорее...

О дальнейшем умолчим... Расстался казак с казачкой полюбовно, да вместо того, чтобы язык за зубами держать, сболтнул он с дуру в станице Митякинской про простачка. А станичникам, только того и надо. Зуб у них на гундоровцев был и не малый. С тех пор гундоровцы и стали «простачками».

А тут ещё одна напасть. Как то случилось в той же Гундоровской станице следующее происшествие. Приставал дед к одной молодой снохе, чей муж на действительной был. Как говорится, седина в бороду, бес под ребро. Приставал, да приставал, просто проходу не давал. А сноха была бойкая, но надоел ей дед страсть как. Вот она ему и говорит как то – приходи. Один раз, думает она, рожает казачку мать, один раз и отвечать. Сама же припрятала бритву, да и в нужный момент и отчекрыжила причиндал у деда. Дед в крик и домой: куды ж делся братцы... мой.

Бабы народ, как известно, мстительный. Так она еще и подала жалобу станичному атаману и к жалобе приложила вещественное отчекрыженное доказательство деда. А атаман был большой службист и педант, подал рапорт окружному атаману. Да чтобы все было по закону, он к своему рапорту також приложил вещественное доказательство. Что было дальше – не знаем, злые языки говорят, что дело дошло до Войскового атамана. Прочёл атаман рапорт и в ярость пришёл: разгону, мол обрезанцев этих к... Вот так об этом узнали казаки других станиц. От того и стали казаки гундоровцы – «обрезанцами».

Ну а про «телушку...» мы промолчим, прозвище это, совсем уж неприличное.

Добринская станица. «Кабарга»

Наметил однажды окружной атаман под Троицу добринских казаков посетить. С визитом, стало быть, явиться. По обычаю высокое начальство всегда вся станица с торжеством встречала. Оно, как известно, атаманам пышки, а казакам шишки. Хочется станичному отличиться, а казакам головная боль. А после официальной церемонии да разговоров по поводу жизни полагалось атамана со свитой на хоперском берегу потчевать осетринкой да севрюжкой. Вот пока атаман вникал в дела станичные, рыбаки по реке сеть раскинули.

Через часок-другой именитый люд потихоньку от церкви на гульбище потянулся, ушица должна была быть знатной, да и на беленькую станичный не поскупился из станичных сумм. А тем временем какой-то местный хитрец решил из казенной снасти осетринкой, да другой рыбкой поживиться. Станичники Богу молятся, а он воровством неволится. Выбрал что попало, да шутки ради умотал в пятиперстовых ячейках валявшуюся неподалеку кабаргу – лошадиный хребет с ребрами.

Когда дерябнули казаки по чарке под зелень и вода для ушицы в казане закипела, а терпковатый дымок аппетит разогнал – засучили кто по моложе порты с лампасами, спустились к речке, ухватились за прожилыны, потянули... Вдруг из воды показалось нечто странное, похожее на раскорячившегося метрового рака. Атаман даже присел:

– Так это ж, так твою мать, кабарга! – оторопело обвел он глазами станичную братию. – Ух, черти!.. Рыбы, и той словить не можете!

Сконфуженные казаки переглядывались: неловко вышло. Одним словом: рыбаки ловили рыбу, а поймали рака, целый день они искали, где у рака срака.

Весть о том, как добринцы окружного атамана чуть кабаргой не угостили, моментально разнеслась по хоперским станицам. С тех пор люди, оказавшиеся в незадачливом положении, кроме насмешливого – «Кабарга!», в свой адрес другое обзывательство редко слышали.

Станица Егорлыцкая. «Стрепетятники»

В станице Егорлыцкой часто засухи случались. А как известно, коль будет дождичек в маю, всё казакам по... Собрались стрики станичном правлении, говорят атаману, надобно, мол, крестный ход совершить. Молить Бога, чтоб дождя ниспослал хоть немного. Божью Матерь молить да святому Никлоле, чтоб дождей было поболее, да пророку Илье.

Отправили депутацию к батюшке. Кланяются ему, да спрашивают, не поможет, мол, ваше священство нашему степенству? Коль будет дождь, будет казаку и пшеница и рожь. А тот дождь, будь он окаянн, идёт не тогда когда просим, а когда жнём, да сена косим.

– Отчего ж не помочь – говорит батюшка – казаку молебны завсегда потребны.

– Ну, Бог тебе тогда батюшка в помощь! – ему в ответ атаман.

А поп то из бойких, за словом не лезет в карман.

– Эх, честна станица, и ты господин атаман, Господь то Бог занемог, а вот ты бы мне помог. Собери ка со станицы ругу, за ту мою услугу.

Ударил батюшка с казаками по рукам, да и в назначенный день все собирались в церкви. Отстояли станичники утреню и литургию, взяли, кто образа, кто хоругви и пошли крестным ходом в степь. Впереди идут старики с иконами, да старухи с поклонами. За ними – батюшка, одетый в фелонь и епитрахиль, несет свой крест, един как перст. Машет кадилом, да взывает к небесным силам. А за ним уже клир поет богородичные гласы. За клиром казаки с казачками, валят целыми пачками.

Идут чин по чину, чтоб избыть свою кручину. Всё славно да степенно. А тут, как на грех, из падинки, стайка стрепетов выскочила. Крестный ход увидели и замерли, глядят будто удивляются. А батюшка то, охотник был азартный, страсть как это дело любил. Оно то, как известно: охота та, пуще неволи. Точно говорят, что горбатого могила исправит.

Как завидел батюшка стрепетов, так в голове будто помутилось. Забыл и про крестный ход, какой там молебен!? Кому он потребен!? Одна беда, ружья нет. А в руках кадило, была не была, метнул его во вспорхнувших стрепетов. Да то кадило, незнамо куда угодило. Сорвал с груди крест и его вслед. И то ж в белый свет как в копеечку. Кадило то быстро станичники нашли. Уголёк из него выпал, да на сухую траву попал, а та, и занялась. А вот крест, как в воду канул. Всей станицей искали, и искать устали. Сплюнул батюшка с досады, перекрестился и говорит:

– Видать бес попутал, а славный был стрепет!

Отсюда и получили егорлыцкие казаки прозвище «стрепятники».

Станица Екатерининская – «Телушка в валенках». «Верблюды»

Когда то в Екатерининском станичном правлении было два писаря: военный – Александр Алпатъев (Сашка), и гражданский – Федор Давыдов (Федька). Как говорить, два сапога пара, гусь да гагара. На погляд, они казаки тихи, да на дела лихи. И своего не упустят и чужое подберут.

– Были бы зубы – смеётся Сашка

– Казаки знают, где дуван взять – вторит ему Федька.

Однажды по станичным делам им пришлось поехать вдвоем в соседнюю Усть-Белокалитвенскую станицу. Оба любили выпить да закусить, а денег то в кармане – вошь на аркане. Дело было зимой, ехали на санях по Донцу. Выезжая с Донца на прямую дорогу на Белую Калитву через хутор Богатый, Усть-Белокалитвенской станицы, на краю хутора заметили на последнем дворе, привязанную к дрогам, жирную 2-ух летнюю телку. Глядят, двор пустой, еще хорошо не огороженный, одна конюшенка только в нем. Это был двор казака, только что отделившегося от отцовского хозяйства.

Сашка, показывая Федьке на телку, говорит:

– Гляди, хорошая телка, жирная, ух, хороша Маша, да не наша.

– Да... ответил Федька... мясоед был бы хороший. Давай, припозднимся в Калитве и на обратном пути ее смажем. Она за санками хорошо пойдет. Не даром деды то говаривали: нашёл – молчи, потерял – молчи, задел – тащи, сорвалось – не взыщи.

Как задумали, так и сделали. Но при выезде с хутора Богатого на Донец, навстречу попала им казачка с полными ведрами воды. Сашка и говорит Федьке: «Вот черт ее несет, не будет счастья». А Федька успокаивает: «Да, ведь, она идет с полными ведрами». Успокоились. Спустившись на Донец, побежали рысцей. Телка, намерзшись во дворе, охотно бежала за санками. Так доехали до хутора Синегорского своей станицы и тут задумались, что делать дальше...

– Тут нас все знают. Давай, повернем напрямую, по летней дороге, там сакмы многи.

А Сашка отвечает:

– А как быть со следами телки, на снегу то они видны будут, а по сакме такой, не нужен и охотник лихой.

Но Федька нашелся:

– Вот что, братушка, я сниму валенки, наденем их ей на задние ноги – вот и будет дело в шляпе.

– А как же они будут у ней держаться то на ногах?

Федька и тут нашел выход:

– Вожжи снимем с Гнедка и привяжем валенки к ногам телки и тихонько доедем. Гнедко тут и сам без указки до станицы дойдет. Конь на баз добежит и без нас.

Так и сделали. Да Гнедко, дойдя до станицы, решил выкобеница. Не пошел на свой куток, а свернул в первый попавшийся. Свой то был ниже. Сашка всполошился и говорит Федьке:

– Смотри, куда идет Гнедко! Надо его направить. Соскочи, поправь его...

– Да ты што, с ума сошел, я ж босой...

– А мне здесь все собаки знают – отвечал Сашка.

Пришлось Федьке соскакивать и направить коня в свой куток.

В то время как на грех, казак Василий Петрович Швечиков находился на своем дворе, устраивая скотину на ночь. Увидя писарей – он был в полном недоумении: конь без вожжей, куда хочет, туды и идет. Сами писаря без валенок. Наверно пропили – решил Швечиков. Ну,

думает, оба цоба, от рождения до гроба. А на телку то и не обратил внимания, несмотря на то, что она была в валенках: слишком поразил его вид писарей. Так они довели ту телку до дому.

Хозяин же телки, повечеряв, вышел заложить корм коню и завести телку в конюшню, а телки то и след простыл. Как корова языком слизала. Туды-сюды по соседям – никто телки не видал.

– Эх ты, – говорят – макуха, голова два уха. Кто ж телку то на ночь на улице оставляет! Одним словом – хозяин, рот раззявил.

Да на его счастье повстречалась казачка, что несла воду из Донца, она то ему и сказала, что какие-то два казаки ехали на санках, на одной лошади, а к санкам была привязана телка. «Поехали видимо на Катериновку» – добавила она.

На помощь хозяину телки нашлись помощники с фонарями. Не жалуют казаки воров. А коль на них охота и им показать себя охота. Недаром -то говорят: живи по старине – ищи хлеб на стороне. След телки был отлично виден до хутора Синегорского, а тут пропал. Но зато на снегу стал, виден след валенок и притом задом наперед и вёл он прямо в Екатерининскую. Прибежали казаки в станицу, а там по улицам снег укатан, и днём с фонарём следов не сыщешь.

Задумались казаки и хотели скакать обратно, но тут пришел им на помощь Швечиков, рассказав, что два их станичных писаря вели телку, «но она была, видно, больна на ноги – плохо шла...».

Погоня догадалась, что телка была просто на просто обута в валенки. «Давай, ребята, в станицу». Дворы писарей им быстро указали. Они жили рядом. Стучат в двери военного писаря. На стук вышла его жена: «Кто там?»

– Мы, посланцы от кумы, да кума Ерошки, хотим погугарить с хозяином трошки.

– А кто вы? – спрашивает жена.

– Да с хутора мы Богатого, там много скота рогатого.

– По какому делу то?

– По гражданскому, отвечают казаки

– Так идите к гражданскому писарю, он живет рядом.

– Да нет, нам нужен и военный писарь...

А военный то писарь Сашка, заробел от тех слов, словно девка-милашка. Как говорить: здорово. Филя, давно тебя не били. Не поспевший еще как следует прогреться, видя настойчивость хуторян, говорит жене:

– Скажи ты им, что телка стоит в конюшне. Да конюшня не заперта. Ведь говорил Федьке, что не будет счастья, если баба повстречалась с ведрами. Так и вышло.

Услышали это казаки, отодвинули бабу тихонько плечом, да и в курень, под белы ручки да на баз, чтоб обоих писарей поучить зараз. Намяли Сашке с Федькой бока на долгие срока, чтоб коты знали, чьи каймаки едали.

Целый месяц казаки от той поручной отходили, синяки да шишки лечили. А Федька в придачу, целый месяц ноги свои гусиным жиром смазывал – отморозил. А жёны их на цугундер взяли. Мол говорила вам маманя, не ча на чужую кучу глаза пучить.

Вот при каких обстоятельствах станицу Екатерининскую наградили прозвищем «телушка в валенках» свои собственные писаря. А как до шла эта история до станичного атамана, враз он писарей со службы исключил, нечего мол, станицу позорить воровством. Да не за то исключил, что телушку украли, а за то, что на воровстве попались. Иди тишком, бери молчком, беги скоро – не ославят вором.

Сообщил отец Тимофей Соин со слов Е. И. Лукьянова.

«Верблюдка»: к сожалению, происхождение этого прозвища казаков станицы Екатерининской не установлено. По воспоминаниям казаков эмигрантов, прозвище это было крайне неприличным.

Еланская станица. «Козлы»

Столь не приличное прозвище, казаки Еланской станицы получили из-за того, что станичному звонарю Прокопу, которому лень было подниматься на колокольню-звонницу. Не хотелось Прокопу, поднимать на колокольню свою жопу. Ну а батюшке было то ж, всё едино. Он и сам был ещё тот трудяга: не суй, не пхай, с боку на бок повертай. Высунет было своё брюхо на улицу, прижмурится, прищурится, да и сказанёт: эх! была у меня сила, когда мама в пелёнках носила, а возрос под матицу, не с хотел горбатится.

Любил тот Прокоп ходить по гостям, счёт вести обгрызённым костям. С утра до ночи сбивает кочки. А на колокольню лезть тяжко. Бывало, казаки станут над ним потешаться, а ему, хоть бы хны. Стопку опрокинет, да и ответит лениво:

– И по што это вы меня страмите, экое нашли во мне диво, нацедили бы ещё пива. Была б на верху пляшка, да девка милашка, я б, туды раз по десять на дню лазил да безобразил.

Вот и привязал он к языку колокола длинную верёвку. Висит она болтается, а звонарь в дому головой мается. А тут козёл атаманский на майдан вышел, будто сам атаман. Глядь верёвка со звонницы свисает. Не порядок это. Решил козёл сначала на зуб её попробовать, да не пришлась она ему по вкусу – выплюнул, и давай тогда с верёвкой бодаться. И с одного боку зайдёт, и с другого. Бодался, бодался, да в верёвку ту, рогами замотался. Видит дело худо, вот и решил ретироваться прокуда. Да не тут-то было, верёвка, будто не чистая сила. Чем больше атаманский козёл рвётся, тем громче звон раздаётся.

Казаки решили набат! И давай на майдан сбегаться. Прибежали, а там, в колокол бьёт не звонарь, как встарь, а козёл атаманов, личный. Вот смеху то было. Зачем нам, говорят в звонарях Прокоп, туды б его в гроб. Пусть лучше в звонарях будет козёл, чем этот старый осёл. Выпутал атаман беднягу, да и пошёл с горя пить брагу.

А как разнеслась о том весте по округе, так и приклеилось намертво к еланцам это прозвище: «козлы».

Елизаветинская станица. «Сом на паперти оцeniлся»

А одну станицу сом ославил. Оцeniлся, гутарили, на колокольне!..

Тоже вроде бы чудоведение. Где Дон, а где колокольня. Сомы, кубыть, не летают.

А вся причина в Доне. Пока не держали его плотины, разливался каждую весну. Первая шла смежная вода – скатывалась со степи. Потом вода взломная – от взлома льда, ледохода. И эти две первые наполюе воды назывались вместе холодной, или казачьей, водой, потому что были после своего, донского снега и льда, хотя б и самого верхового, горového (последняя волна казачьей воды так и звалась особо – горováя).

А к маю месяцу подходила третья вода. Называлась она разно. По времени подхода – георгицкая, потому что «на Георгия». По местам, откуда шла – воронежская, московская. И еще было у нее название – теплая. Май месяц, теплынь. Уже холодная вода выступала из берегов. А теплая разливалась морем. И не видать было в этом бескрайнем разливе, где там он, Дон. Топило займища. От Елизаветовской, самой нижней по Дону, последней перед Азовским морем, до Черкаска – во всех станицах плавали по улицам на каюках.

– У нас, – говорили, – весной ни выезду, ни выходу. Вода заслонила все!.. В особенности затапливало Черкасск.

Инженеры-европейцы, призванные атаманом Платовым оборонить казачью станицу от половодий, наименовали Черкасск донской Венецией. Совладать с Доном они не сумели. И в тыща восемьсот пятом году Платов перенес столицу в иное место, заложил Новый Черкасск.

Переселялись тоже по прибылой воде, чтобы не маяться посуху. Под орудийное салютование, под малиновые медные перезвоны черкасских церквей тронулась по солнечной воде, запорошенной бело-розовой яблоневоу цветью, флотилия байд и будар. С казаками и казачками, любившими пестрое, нарядное платье, изукрашенное оружие, с выкинутыми на борта персидскими и дагестанскими коврами, с яркими хорунками, знаменами, бунчуками...

Но место для Нового Черкесска «вихорь-атаман» избрал неудачно. «Построил Платов город на горе, казакам на горе!..» – приговорила раз и навсегда молва. Платов силился завернуть за собой следом и Дон. По его приказу донскую быстрину пересыпали кулями с песком, отгибая в Аксай-речку, в изножье горы, на которой скучными казенными строениями торчала неживая, нелюбая сердцу казака новая столица. Дон играючи развалил атаманскую плотину.

Казаки готовы были терпеть любые разливы, только бы не разлучаться с Доном. «Вода нас разорит, вода нас и исправит», – говорили они.

На залитые займища, на теплое мелководье выходила нереститься рыба. Потопленную траву обметывало икринками. Спадала, меженела вода – и с нею вместе скатывались тучи серебристого малька, рыбьей молодежи. После в Дону весло в рыбе застревало. Не было на свете моря, рыбней Азовского.

...Вот так и оцeniлся на колокольне тот сом. Высоко?.. Так это в какую воду. На медной доске в изножье старочеркасского войскового Вознесенского собора были заметки по высоте знаменитых разливов. Тараканская вода тыща семьсот сорокового года, Краснощековская тыща семьсот восемьдесят шестого, Чернышевская тыща восемьсот двадцатого, Сунженекая тыща восемьсот сорок пятого, Хомутовская, она же Венгерская, тыща восемьсот сорок девятого, Семибабская неизвестно какого года... Колокольню не колокольню, а паперть подпирало. А про сома так и говорили впервости: «Сом на паперти оцeniлся».

Потом уже преувеличили: на колокольне. Хотя, может, и не преувеличили. Может – и на колокольне. Дело-то не в Черкесске было, в иной станице. Кто его знает.

Владимир Сидоров «Вуркалака»

Ермаковскую станицу дразнят «черная корова» и «бугая украли»

Как-то очень давно, еще в России, около 1905 г. мне попала в руки небольшая книжечка «Генерал Я. П. Бакланов». С тех пор прошло уже 60 лет, но ее содержание я помню, хотя некоторые подробности и ускользнули из памяти. Дело было во время Кавказской войны. Казачий отряд ген. Бакланова расположился на отдых. Не помню, где именно это было.

В свободное время два казака отправились в соседний аул и там что-то стащили. Потерпевший не растерялся, а пришел к генералу и стал жаловаться, что его обокрали казаки. А генерал спрашивает: «Можешь узнать тех казаков?» – «Могу», – ответил обокраденный. Бакланов, приказал отряду построиться и вместе с горцем начал его обходить. Вскоре последний указал: «Вот этот, и этот...». Генерал распустил отряд, а вора приказал идти в канцелярию, куда вскоре пришел и сам.

«Ах вы с... с... Теперь война идет, а вы грабежом занимаетесь! Расстрелять сейчас-же...».

Виновники взмолились: «Ваше превосходительство... Ради жен и детей наших пощадите нас».

«А вы что – оба женаты и детей имеете?» – спросил генерал.

«Так точно, Ваше превосходительство...».

Генерал подумал, а потом приказал привести самую грязную корову. Привели черную корову, грязную с головы до конца хвоста. Генерал и говорит:

«Ради жен и детей ваших дарую вам жизнь, но в наказание сейчас же целуйте эту корову под хвостницу...».

Поцеловал один, а за ним и второй.

«А какой вы станицы?» – спросил Бакланов.

«Ермаковской...».

Тут генерал опять вскипел: «Ах вы, такие сякие... Сыны самой лучшей станицы на Дону, а будут ее теперь дразнить «черная корова»...». Так это прозвище и осталось за Ермаковской.

В былое время, как только придешь в полк и распределят по сотням, тогда старым казакам и на глаза не показывайся. Только выйдешь во двор, сейчас же спрашивают: «Какой станицы?» – «Ермаковской...». – «А, черная корова». – «А ты?» – «Я – Кумшацкой...». – «Еж, значить... – а ты там – с папироской возишься?» – «Богоявленской» – «Половинка...».

Вот за эту «половинку» мне чуть было сильно не влетело от моего сотенного вахмистра Т. О. Богаевского. (Кстати, Н. Е. Ермаков не упомянул, что Богоявленскую станицу дразнят «половинкой»). Вахмистр был как раз Богоявленской станицы. Был он строгим, но и справедливым. Однажды после утренней уборки зовет меня вахмистр и говорит: «Вот тебе кусок латки, иголка и нитка – почини мне этот матрас». Это был матрас, на котором казаки приседают после прыжка через кобылу. Я примерил латку на дыру, она оказалась мала. Я и говорю вахмистру: «Господин вахмистр, эта половинка мала...». Вахмистр вспылил: «Што, што ты сказал?» – по видимому, он подумал, что я его дразню «половинкой»... Не знаю, чем бы это кончилось, но выручил меня мой взводный урядник: «Господин вахмистр, он еще молод и не знает, что значить слово «половинка»... Он говорит, что эта латка слишком маленькая, чтобы залатать дыру...». Вахмистр строго посмотрел на меня и сменил гнев на милость: «Если этот кусок мал, возьми другой...».

Фомин.

Есауловская станица. «Хорь курей подушил»

Почему так стали дразнить казаков станицы Есауловской не известно. Казаки одного из кутков Есауловской станицы имели прозвище «Тума прирожденная». Очевидно первые казаки населявшие этот куток были детьми от смешанных браков.

Станица Золотовская – «клин»; «бугаи»

Решили золотовские казаки перенести свою станицу с правого берега на левый, а на левом было решено оставить хутор. Вот в этой новой станице и нужно было произвести раздел земли на пай. Как говорится: глупа та птица, которой своё гнездо не мило. Но, рано или поздно птица новое гнездо вьёт.

Собрались казаки на станичный сход, судить да рядить, кого в землемеры отрядить. Чтоб было всё честь по чести, чтоб всем казакам можно было на земле сести. Долго глотки драли, за грудки друг друга брали. Чтоб те землемеры не остались без веры. Выбрали для этого четырех казаков – землемеров с саженьями. Для успешности работы решили, что два землемера будут отмерять с одной стороны, а два с другой. Потрусил жеребки и пошли отмерять, а станичники всем за ними, шалая гонять. Гоны были на 160 саженьей.

Судить, судили, рядить, рядили, да не уследили. Глядели, чтоб землемеры честными были, да про монопольку забыли. Водка, вроде и не деньга. У наших же бражников много праздников. А тут некоторые казаки, не будь дураки, запаслись магарычами. А оно всем известно, магарыч не взятка, хоть и питиё и сладко.

С одной стороны землемеры-хрычи, оказались слабоваты на магарычи. И не прочь были прибавить на пай по 2—3 сажени. А с другой стороны отмечали честь по чести. Когда же пришли к концу юрта, то у первых не хватало земли, а у вторых вышло все правильно. И получился клин. Вот и прозвали казаков станицы Золотовской «клинами».

Станица Зотовская. «Бугай»

В каком году крестилась Зотовская станица в тайне хранится. О этом мне неизвестно, я ведь сам не местный. Но знаю точно, что было то среди лета, и была уже уборка хлеба где то. Станица получила уведомление о предстоящем приезде Архиерея.

Казаки из дальних хуторов, бросая свои работы, по съезжались в станицу, – не столько, чтобы Богу помолиться, сколько посмотреть на такую высокую личность. Видеть которую, в то время почиталось за редкостью и даже счастье.

Наступил день архиереева приезда. На краю станицы – с той стороны, откуда ожидали Владыку, – станичный атаман поставил конного махального, почетного казака станицы – мужа своей сестрицы. Казак он был бы не промах, в мундире, да сапогах, как говорили новых. Как заметит он приближение поезда архиерея, так должен был немедленно сообщить в станицу. Так он и сделал. Да только вот одна беда, даже не беда – бедишка. Да на ней и погорают многие людишки. Старики то не дураки, как говаривали: пошлешь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт. А тут ещё для храбрости хватил махальный лишка. Недаром же говорится: не пей до дна – на дне дурак сидит.

Вот видит махальный, по степи клубы пыли несутся и глухой звон бубенцов слышен – знать архиерей на тройке несётся, земля трясётся. Он на коня, да к церкви, крича, что архиерей едет. А в церкви молебен. Молят казаки Бога, чтоб довёл архиерея до их порога.

Услышал батюшка благую весть, велел звонарю Борщёву на звонницу лезть и звонить до его слова. А мирянам велел бить в честь сего земные поклоны, и разобрать по рукам хоругви, кресты да иконы. В церкви сутолока да суета, казаки, расхватав святыни, пошли на майдан крестным ходом с другим православным народом. А звон да топот всё ближе. Стоит народ, глазеет. душою да сердцем млеет.

А тут, вместо архиерейской тройки, на станичный майдан вылетают быки да коровы, чтоб, они были здоровы!!! Впереди корова в охоте, вслед за ней бугай. А на шее у бугая балабон, от него то и на всю ивановскую звон. Махальный то слышал, звон, да так и не понял, откуда он. А вслед за бугаём да коровой, десятка полтора быков рабочих, здоровых, до забавы охочих. Так и пронеслись они всем кагалом через весь майдан, звякая железным балабоном.

Атаман тут на махального, эх ты, говорит, макуха, голова два уха. Помянул отца да матушку в сердцах: «Дурака по делу пошлешь и сам следом пойдёшь!» А тот в ответ, бес мол попутал. Бес не бес, а у каждого свой интерес. Постояли, помялись станичники, да и разошли-разбежались. Снесли в церковь иконы да хоругви, раз архиерея нет, и пошли на обед. Хуторцы повздыхали, да и по своим хуторам побежали.

Да тут другая беда. Оно ведь верно говорится, заставь дурака молиться, он и лоб расшибёт. Звонарь, столь отчаянно в колокол бил, что чуть его не разбил. Дал он трещину – лопину. А колокол в 146 пуд, отлить такой не малый труд. Да и стоять будет рупь, а не копейку. Батюшка Борщёва укорять, а что тому терять. Он от своего звона слуха лишился. Я, говорит, звонить дюже не умею, и бросить не смею, слова то вашего не было.

А что ж архиерей? А он по каким то причинам в этот день не приехал, задержавшись в соседней станице, а узнав о происшедшем, в Зотовскую не поехал. Сказал, мол, что за станица: не умереть не жениться. Не добые, мол там казаки живут, а сук, да дрюк, да валенок биюк. Не бывать им моего благославления!

После было расследование. Как ни поплатился тяжело махальный перед обществом за свою оплошность, но ошибка его была непоправима и прозвище «Бугай» зотовцы носят и поныне. Как говорится, дурные вести, не лежат на месте. А за злым языком, не угонишься и босиком.

Иловлинская станица. «Цыганская», «Цыгыне»

Знаете ли вы, например, почему станица Иловлинская имела неофициальное название – Цыганская? А казаков этой станицы дразнили цыганами? Нет? Ну не беда, это дело поправимое.

Говорят, еще до Октября встречали иловлинцы архиерея, чина по тем временам весьма важного. Архиерей то, что атаман, только у него шире карман. Собрали почетное сопровождение из лучших казаков на конях. И вот вдали запыхала тройка. Бравые казачки, тотчас вскачь, на встречу. Ближе подбежали, глядят, важный господин в коляске восседает: на вид чистый архиерей, весь в золоте и в позументах, с серебряным крестом на груди. Сопроводили казаки конным строем почетного гостя в станицу, только вот вместо запоздавшего архиерея в тройке оказался... богатый цыган. Увидели казаки вместо архиерея цыгана, оскорбились, хотели тому бока намять. Как говориться: к кому Дон тих, а к кому лих.

Не пьёт казак на небеси, а тут, кому не поднеси. Цыган был чрезвычайно польщен столь торжественной встречей. Однако видя, что станичники приняли его не за того и готовы взять его на кулачки, высочил из коляски, шапку о землю хлоп, и говорит:

– Господа казаки, атаманы и старики, пожалуйста на магарычи, на вино цимлянское и песню цыганскую. От меня честной станице бочка вина, чтоб загладилась вся моя вина.

Глядят станичники, а в коляске и в правду бочка вина. А что пить они хотят, то не их людей грешных вина. Не пьёт казак лишь на небеси, а тут, кому не поднеси. Ну, а коли поставили магарыч, то и цыган уже не хрыч. Как говориться: женился цыган на соколихе – сам соколом стал.

На рассказывают казаки и другую версию этого происшествия.

Ждала Иловлинская станица архиерея. Махальные по своим местам стояли. Духовенство готовилось. Казаки принарядились. Атаман приветственное слово придумал и важно так распорядился:

– Как пыль покажется – звонить во все колокола. Казакам построиться вот тут-во, духовенство пройдет вперед. Я стану тут-во, а писарь и мой помощник туточки.

Только распорядился, – машут махальные, в кулак свистят.

– Едет, кричат, едет, подъезжают. Колясок несколько. Сколько, не видать: потому – пыль...

Стали все по своим местам. Ждут. Тишина наступила, слышно, как воробьи чирикают. Солнце во все лопатки нажаривает. И вот – с бубенцами, в разноцветных тряпках, прямо на середину въезжает цыганский табор. Старый цыгань, видя встречу и слыша колокольный звон, шляпу все-таки приподнял...

– Что за почет? – спрашивает. – И вовсе я его не заслужил...

Так казаки до того рассерчали, что били цыган смертным боем и выгнали за станицу. Встретили вроде и хорошо, а проводили Бог знает как.

Кагальницкая станица. «Жареная картошка»

К сожалению, история появления этого прозвища не известна.

Казанская станица. «Чапурь», «Чапуря в речке клевала лягушек»

А вот казаков из ст. Казанской, «чапурию» называют. И есть тому причина.

Ожидали как-то приезда в станицу Казанскую наказного атамана. Дело весною было. А переправа через Дон плохая: единственный паром, казаки-сидельцы его обслуживали. Службу они внутреннюю паромщиками несли. До вечера атаман не прибыл, приказали тогда паромщикам ждать, они притомились, да и заснули. А тут стая чапур пролетала. Чапура – то птица такая, вроде цапли. Слышит паромщик сквозь сон: «К вам! К вам!» Вскочил, как встре-панный, заорал: «Виноват, ваше высокоблагородие! Сейчас подам!» Отвязал паром и кри-чит жене: «Беги, Марья, поживее, оповести попа и атамана, едет наказной!» Всю станицу на ноги подняли, звонарь в колокола ударил. Станичный атаман на берег выскочил с хле-бом – солью. Ждут-пождут, на реку глядя. А паромщик на правой стороне Дона как угорелый бегаёт, никого не найдет. Пусто кругом. Вернулся порожня, спать лег, и станичники по домам отсыпаться отправились. А тут на грех наказной атаман подъехал своей персоной. Стал он паром звать, а ему: «Нет, больше не обманешь, чапура!». Взбеленился тут окружной атаман, и прибыв в станицу устроил атаману и казакам разнос.

Стой поры и приклеилось к станице такое прозвище.

Калитвенская станица. «Сафьян»

У станицы было прозвище – сафьян. Значение ее объяснить считалось невозможным по моральным соображениям.

Впрочем, есть у этого прозвища вполне приличное объяснение. К верховым казакам больше беглый люд из Руси-матушки пристраивался. Кто-то из них с собой и искусство плести лапти лыковые принес. А по пойменным донецким лесам липа росла. Незаметно и казаки некоторые этому искусству обучились. Шустрые низовые казаки прослышали про те лапти и стали посмеиваться над верховыми:

– Да шо це за казак, коли он в лаптях шлындрает?!

А находчивые верховые ответ держат:

– А почто мы каблучки сапожек сафьяновых о каменюки хуторские сбивать будем? Токмо низовые в ум не возьмут, что в лето в другой обувочке ходить можно. Вот и жарятся в жару в сапожищах своих заморских. От того и прозвали калитвенских казаков «сафьянами». Другое прозвище «верблюдка».

Каменская станица «Сучка в башлыке»

К каменчанам пристала кличка «сучка в башлыке». Происхождение ее таково. Возвращались казаки-каменчане с военной службы. Как известно, 11-й Донской казачий полк, в котором служили каменчане, находился в далеком г. Владимире-Волыньском, в Западной Украине. Оттуда и ехали казаки домой своим ходом. Некий молодой сотник вез в подарок жене породистого щенка.

Где-то в пути повстречался казакам ехавший по своим делам генерал в экипаже. Сотник проворно запрятал собачонку в свой башлык и браво отрапортовал:– «Отслужившая партия 11-го Донского полка...»

Не успел закончить, как в башлыке затыкался щенок. Генерал разозлился и накричал на сотника. С этого и пошла кличка.

Но есть и второй вариант прозвища. Как то пошел казак-охотник из станицы Каменской на охоту. Охотился бы хорошо, но случилось в этот день радостное для него событие: его породистая собака разрешилась во время охоты от бремени. А он уже и дичинки набил и суму наполнил, а тут возник вопрос:

«Куда же я это щенков возьму?»

Сбил фуражку на затылок, за чуб себя потрогал. Скрутил сигарку – покурил.

«Бумага была бы, в бумагу б завернул. А лучше всего в мешок бы».

И дичину ему жалко выбрасывать и щенков нельзя оставить, породистые ведь, предки их с незапамятных времен охотничали уже. Как же их оставить?

– «Ху, черт... выругался казак на сучку, не могла тварь подождать, покедова домой придет. Пропasti на вас нет, окаянные...».

Даже сучку ногой толкнул. А она лежит и так на него умиленно смотрит. Вроде сказать хочет:

«Все мол, станичник, под Богом ходим. Не ровен час и с тобою такое случиться может...»

Совсем казак растерялся, даже жарко стало. Поскидывал одежду и башлык на землю швырнул. Стоит, задумавшись.

Потом, ничего не придумав, посмотрел на щенков, а их нет...

– Это что за шутки такие?

Удивился. Стал озираться. Глядит – башлык его раздулся и ходуном ходит по земле: Сучка не только туда щенят перетасила, но и сама устроилась. Усмехнулся казак, вздохнул, – делать нечего, взял башлык за концы и понес в станицу.

А дома гости были. Зашел он в курень, стали те его встречать да спрашивать о том, о сем, забыл он про сучку, положил башлык на лавку, а один то гость сядь ненароком, его сучка ихватила зубами... Крикнул гость и вскочил напуганный. Развернули башлык, а в нем щенята, и сучка сидит – на всех злыми глазами поглядывает...

Это как же случилось? – спрашивали казаки – Вот так стерва: в башлык забралась! Хитры Каменские собаки...

Так и стали дразнить Каменскую станицу: «сучка в башлыке».

(«Донец» «Родимый Край» №4 – 1930 г.)

Станица Камышовская. «Свинья». «Свинье рвали щетину»

Станица Камышовская по части устройства церемоний разных, пожалуй – первая. Епархия, как известно, у архиерея большая. Едет он от станицы к станице, и везде ему почет и уважение, и, что главное, так это то, что одна станица перед другой щеголяет, одна перед другой красуется, – и встречами то, и проводами, и угощениями, и подношениями, и чистой веры Христианской. Камышовская сама по себе, а Мариинская сама по себе. А только долетел голубочком слух, что в Мариинской станице Архиерей находится, и вот-вот прибудет в Камышовскую. Суматоха и волнение начались невероятные. Прежде всего, двух конных казаков выслали на край станицы: – Зорко следить! ... Спиртного не пить! ... И чуть что – пулями назад, в станицу. Тем же казакам, кто слаб был по части спиртного, атаман самолично, нагайкой грозил, говоря в назидание, мол, стаканчики да рюмочки, доведут вас ахриянов до сумочки.

Сами же камышовцы собрались встретить Архиерея с колокольным звоном, выйти за станицу с иконами, с хоругвями, со священством в полном облачении. Атаман станичный насеку взял, а почетные старики чекмени по надевали, да чирики дома по оставляли, все в сапогах как один. Велел атаман, чтоб все казаки, какие только ни есть, ордена, и отличия по надевало, и усы расчесало, и чубы горой пустило...

По первому удару колокола чтобы станичный атаман принял рапорт: кто болен, кто пьян, кто в отсутствии, кто к службе особенно рьян, а кто и вообще выйти не пожелал. Потом мы всех этих, уклонившихся, думает атаман, себе на ус намотаем. Стал впереди процессии, и пошла бы она к Его Высокопреосвященству стройными и торжественными рядами навстречу. Вот, мол, какая у нас станица... Горит на солнышке серебром и золотом, и степенная тебе, и заслуженная, куда ни поверни, и с какого бока ни зайди. Мол, жили деды в славе, и мы станицу не ославим. Не даром ведь говорится, что шёлк не рвётся, булат не сечётся и казак не сдаётся.

Ну, а уж известно: где благочестие, там и происшествия, да нечистая сила! Двух-то казаков, высланных вперед, попутал – видно – черт. Ждали они, ждали... Уж на седлах-то и на одну сторону переваливались, и на другую, и ладонью глаза, ровно крышей, покрывали, – вглядываясь от солнца – не видать ничего. Соскучились. Покрутились на дороге, да и свернули к Акульке Кострюковой, что на краю станицы жила и водкой тайком торговала. Выпили по рюмочке. Вышли поглядеть опять. Соскучились. Зашли к Акульке в другой раз...

– Подавай, свистопляска, ешшо по чарке! – требуют казаки, что выпить не дураки

А выпивши – решили, что выходить им незачем. Что как в станице в колокола забьют – значит – кто-нибудь другой Архиерея заметил. Так тогда они скорееича на коней, да и с докладом. Так и засели у Акульки, отливают друг другу пульки (врут). Чарка за чаркой. Заиграли песню:

– По край то было моря синяго, на усть то было Дона Тихого...

Поют себе. Заиграли другую:

– Отец сыну не поверил, что на-а свете есть любовь! ... – Стой, – говорит один из них, – давай глянем глазком на дорогу.

Глянули. А по дороге, со стороны Мариинской пыль столбом завивается! И будто звон колокольцев слышен, правда какой то странный. Но хватившим лишку махальным не до того было.

– Едит!

Вскочили на коней казаки – и в станицу. Летят и кричат:

– Едит! ... Едит!...

Ухнул колокол, загудела над станицей медь. разгоняя своим звоном всякую нечисть. Повалили казаки. Атаман рапорт принял – пяти человек не досчитались... Разобрали хоругви и иконы, и пошли процессией. Вышли за станицу... Идут десять минут, никого не видать, еще идут – никого... Ни позвону, ни помину. Верст несколько отмахали. Решили идти до тех пор, пока не встретят. Пошел в задних рядах ропот: – Этак мы в Мариинскую, встречаючи, зайдем...

Стали, решили разобрать, в чем дело то? Стали все недовольно по всем сторонам оглядываться. На дороге, по ровной степи, до самой Мариинской станицы, на протяжении семи верст, совершенно было пусто – и только влево на версту, почти у самого Дона, пыль, действительно, столбом стояла. Но там было займище, и туда Архиерей захватить не мог. Это свинопас со степи перегонял через дорогу полчаса тому назад своих свиней, чтобы они от жары в грязи у Дона повалились. Видя пыль по дороге от переходящего стада, казаки-дозорные и приняли свиней за карету архиерейскую... Вернулись все домой. Разошлись по курням. Настроение подавленное. Атаман в каталажку пять неявившихся казаков засадил. А те оправдывались:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.